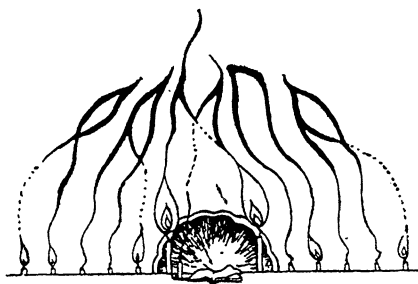

Московскій Художественный Театръ.

Историческій очеркъ его
жизни и дѣятельности.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
(1898—1905 г.).

Издание журнала „Рампа и Жизнь“.

.....Здѣсь муза Чехова паритъ незримой тѣнью
 И свѣтитъ вамъ, горя нетлѣнною звѣздой...
 Она не дастъ остыть святому вдохновенью,
 Исканьямъ пламеннымъ, отвагѣ молодой.

Во дни сдыхъ невзгодъ и тягостныхъ сомнѣній
 Она, прекрасная, поможетъ вамъ найти
 Источникъ новыхъ силъ и новые пути,—
 Она, лучистая, зажжетъ огнемъ вашъ геній!

Вашъ вдохновенный трудъ безслѣдно не пройдетъ,—
 Не обезкрылитъ васъ глухой вражды отравы...
 Идите же впередъ, искатели красоты,
 Идите смѣлые,—грядетъ за вами Слава!

К Н И Г А И М Е Е Т :

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1948 г.
-------------------	--------	---------------------------------------	--------	------	----------	----------------	------------------------------	---------

14		Г-1				15	724	
----	--	-----	--	--	--	----	-----	--

Дѣтство Художественнаго театра.

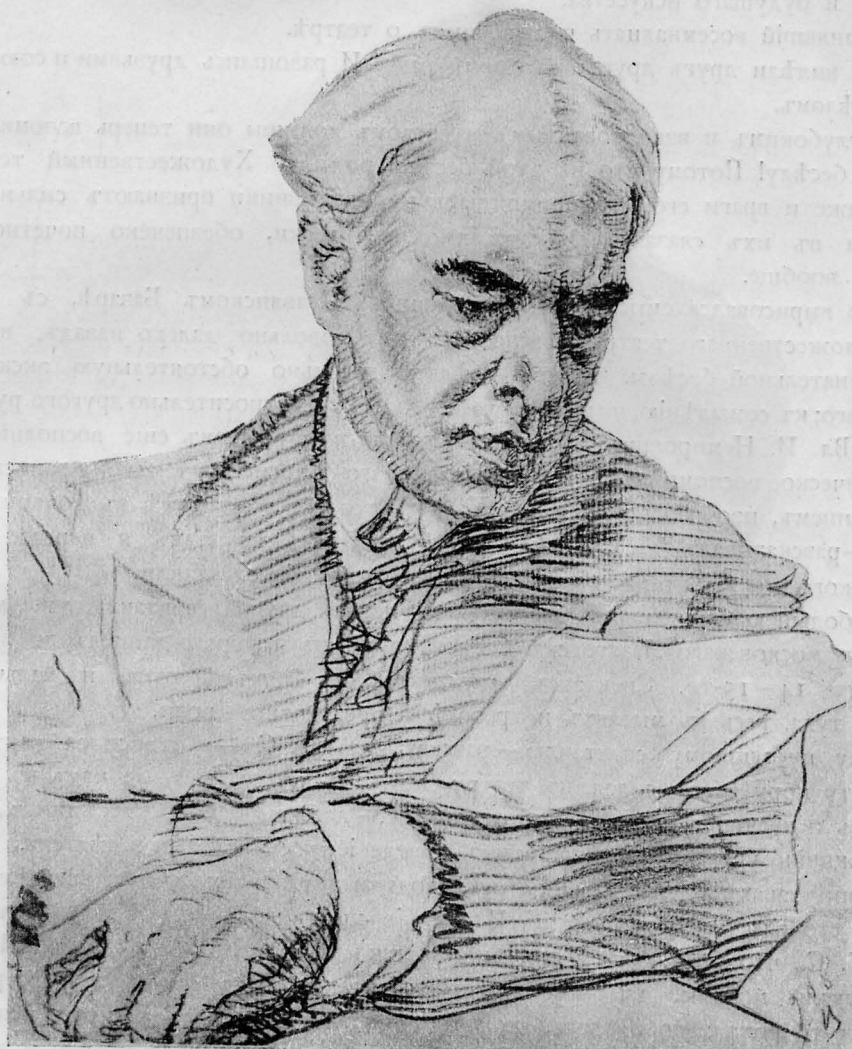
(Изъ воспоминаній и бесѣдъ).

Задача этого очерка—не рассказъ, исчерпывающе полный и законченно стройный, о томъ, какъ жилъ Московскій Художественный театръ, не описаніе или оцѣнка той громадной, многозначительной работы, которая была имъ выполнена за пятнадцатилѣтіе его существованія и которая вознесла его на высоту перваго театра не только въ Россіи, но и въ Европѣ, обратила эти пятнадцать лѣтъ въ прекрасную, увлекательную страницу исторіи сцены вообще. Такой рассказъ и такая оцѣнка будутъ даны въ другихъ частяхъ настоящей книги о Художественномъ театрѣ. Моя задача много скромнѣе. Отъ перваго шага этого театра, когда еще такъ туманны были его перспективы и такъ загадочна его будущность, отъ перваго его спектакля и до настоящаго дня былъ я его постояннымъ зрителемъ, внимательнымъ и увлеченнымъ; я близко знаю почти всѣхъ тѣхъ, чьимъ вдохновеніемъ, талантомъ, вкусомъ, трудомъ сложена богатая жизнь этой сцены. Не разъ приходилось мнѣ видѣть не только результаты работы, но и самый ея процессъ; не разъ приходилось мнѣ бесѣдовать съ ея участниками, съ кузнецами Художественнаго театра и его славы. Отъ моихъ непосредственныхъ наблюденій и впечатлѣній, отъ сейчасъ упомянутыхъ разновременныхъ бесѣдъ отложился рядъ воспоминаній. Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній я и хочу оживить въ памяти такихъ же, какъ и я, зрителей и почитателей Художественнаго театра, хочу передать нѣсколько моментовъ, на мой взглядъ—наиболѣе значительныхъ и поучительныхъ. Притомъ, я коснусь лишь „дѣтства художественнаго театра“ лишь двухъ первыхъ лѣтъ, подробнѣе остановлюсь на періодѣ до перваго публичнаго спектакля, какъ наименѣе извѣстномъ.

Счастливое обстоятельство помогло мнѣ, съ годъ назадъ, освѣжить всѣ мои воспоминанія и значительно ихъ пополнить. Лѣтомъ 1911-го года я провелъ въ Бретани, въ миломъ, тихомъ мѣстечкѣ Сэнъ-Люнеръ, довольно долгое время вмѣстѣ съ однимъ изъ руководителей Художественнаго театра, К. С. Станиславскимъ. Много говорили мы вообще о театрѣ, о его истинныхъ задачахъ, идеалахъ, печаляхъ, блужданіяхъ, о Художественномъ театрѣ—въ частности. По моей просьбѣ нѣсколько вечеровъ знакомилъ меня К. С. Станиславскій и съ фактами своей сценической жизни. Въ эти вечера, подъ гармоничный шумъ волнъ океана, развѣтывалась передо мною картина благородныхъ исканій въ сферѣ близкаго мнѣ, всегда мною горячо любимаго искусства, и оживали во всей яркости красокъ судьбы того театра, у руля котораго стоитъ этотъ вдохновенный художникъ сцены и неутомимый искатель ея высшей правды. По странной случайности маленькая изящная бѣлая вила почти на берегу океана носила имя „Чайка“ (Goeland). Надъ узенькой каменной террасой, на которой часто шли наши бесѣды, висѣла эмблема Художественнаго театра, вытѣпленная какимъ-то мѣстнымъ лѣпщикомъ, и не подозрѣвавшимъ конечно, что тутъ будетъ жить прославившій „Чайку“ и прославленный „Чайкою“... Послѣ каждой бесѣды я записывалъ съ возможною подробностью и точностью ея содержаніе. Получилась довольно объемистая тетрадь. Ею часто буду я пользоваться при составленіи своего очерка „изъ воспоминаній и бесѣдъ“ о Художественномъ театрѣ.

Было 22-е іюня 1897 г.

Въ кабинетѣ московскаго ресторана „Славянскій Базаръ“ сидѣли двое и возбужденно, съ большимъ увлеченіемъ разговаривали.

Съ рисунка В. Стррова.

Константинъ Сергѣевичъ Станиславскій.

Одинъ—очень высокій, съ почти совсѣмъ сѣдой, серебряной головой, но съ молодымъ, одухотвореннымъ лицомъ, горячими глазами и черными усами, которые прикрывали чистую, слегка смущенную, почти дѣтскую улыбку. Другой—небольшого роста, съ пытливыми глазами, съ пышной, тщательно расчесанной на двѣ стороны, въ родѣ бакенбардъ, темно-русой бородой.

Разговоръ длился часы, протянулся черезъ весь день, захватилъ ночь. И дѣлался все оживленнѣе. Закипали теоретическіе споры, смѣнялись выкладками цифръ, опять уносились въ высоты принциповъ, касались прошлаго и будущаго искусства.

Разговоръ, занявшій восемнадцать часовъ, шелъ о театрѣ.

Собесѣдники видѣли другъ друга въ первый разъ. И разошлись друзьями и союзниками, увлеченные однимъ общимъ дѣломъ.

Съ какимъ глубокимъ и взволнованнымъ чувствомъ должны они теперь вспоминать эту встрѣчу и эту нескончаемую бесѣду! Потому что въ этой бесѣдѣ родился Художественный театръ, тотъ театръ, который теперь даже и враги его, его принципиальные противники признаютъ сильнымъ и доблестнымъ, которому даже и въ ихъ глазахъ, смотрящихъ скептически, обезпечено почетное мѣсто въ исторіи сцены и искусства вообще.

Чтобы вѣрно вырисовался смыслъ этой встрѣчи въ Славянскомъ Базарѣ, съ которой надлежитъ вести исторію Художественнаго театра, нужно заглянуть довольно далеко назадъ, въ прошлое обоихъ участниковъ знаменательной бесѣды. Я могу сдѣлать довольно обстоятельную экскурсію относительно К. С. Станиславскаго; къ сожалѣнію, не могу сейчасъ это сдѣлать относительно другого руководителя Художественнаго театра, Вл. И. Немировича-Данченко. Надѣюсь въ будущемъ еще восполнить этотъ пробѣлъ.

Первое сценическое воспоминаніе К. С. Станиславскаго относится къ самому раннему его дѣтству, когда онъ, совсѣмъ малышомъ, изображалъ „Зиму“ въ какой-то живой картинѣ въ домашнемъ спектаклѣ.

— Помню,—разсказывалъ мнѣ К. С.,—что уже тогда испыталъ я передъ поднятіемъ занавѣса волненіе почти такого же характера, какъ потомъ въ настоящіе спектакли.

Съ гораздо большею отчетливостью остался въ памяти другой спектакль, уже много позднѣе. К. С. былъ гимназистомъ московскаго Лазаревскаго института (изъ котораго вышелъ до окончанія курса, изъ 7-го класса), лѣтъ 14—15-ти. Спектакль устраивался въ деревнѣ отца, и мальчикъ съ громаднымъ волненіемъ ѣхалъ туда, весь въ мысляхъ и тревогѣ о предстоящей роли.

— Къ этому пустяшному спектаклю,—разсказывалъ К. С.,—я относился какъ къ „священнодѣйствію“. Уже въ ту пору я относился къ театру не какъ къ забавѣ, но какъ къ чему-то имѣющему большую важность и значительность. Такое отношеніе,—добавилъ мой собесѣдникъ,—прошло со мною черезъ всю мою жизнь, управляло всѣмъ моимъ поведеніемъ сценическаго дѣятеля.

Гримъ, краски, запахъ и свѣтъ ramпы производили тогда на мальчика впечатлѣніе ошеломляющее, къ театру влекло его властно и неодолимо. И дѣтскіе спектакли въ семьѣ Алексѣевыхъ становились все чаще. Помнитъ К. С., что была, между прочимъ, поставлена ими „Слабая струна“. И уже тогда,—разсказываетъ онъ,—искали молодые участники этого спектакля,—онъ самъ, его сестра, одинъ школьный товарищъ,—какого-то ритма; добивались, конечно, инстинктивно, того, чтобы пережить намѣченные чувства въ возможно короткій протекъ времени, потому что находили, что у любителей, которыхъ видѣли, „игра слишкомъ медлительная“. И, несмотря на полную неопытность, на совершенное отсутствіе какой-нибудь техники, умѣли добиться въ этомъ отношеніи нѣкоторыхъ результатовъ.

— Впрочемъ,—разсказывалъ К. С.,—ускоренный темпъ, котораго мы такъ добивались, не встрѣчалъ сочувственной оцѣнки въ нашихъ зрителяхъ. Такъ, помню, С. И. Мамонтовъ, постоянный зритель нашихъ спектаклей, назвалъ исполненіе „Слабой струны“ „курьерскимъ поѣздомъ“...

Въ настоящій театръ Станиславскаго начали возить рано, и онъ видѣлъ, такимъ образомъ, въ Маломъ театрѣ отличные образцы сценическаго искусства. Онъ былъ влюбленъ въ Ленскаго, въ Ермолову. „Ужъ не знаю, въ кого больше“,—съ улыбкой вставилъ мой собесѣдникъ. Часто бывалъ онъ и въ итальянской оперѣ, которая тогда шеголяла въ Большомъ театрѣ выдающимися пѣвцами. Вкусъ у него и его сотрудниковъ по домашнимъ спектаклямъ былъ, такимъ образомъ, уже „раздраженъ“, по его выраженію; уже хотѣлось достигать въ своихъ спектакляхъ какой-то гармоніи. Устраивать спектакли было удобно, такъ какъ отецъ, самъ любившій театръ, устроилъ маленькій постоянный театръ въ залѣ своего дома, у Красныхъ воротъ, и тамъ дѣти и юноши могли вольно и вдоволь отдаваться своей страсти. Спектакли эти устраивались въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и были первой школой.